

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Томск 2020

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОБРАЗ В СОЗНАНИИ НАРРАТОРА В ЦИКЛЕ В. ОТРОШЕНКО «ПЕРСОНА ВНЕ ДОСТОВЕРНОСТИ»

Медведев И.А.

Томский государственный университет, магистрант

REALITY AS AN IMAGE IN THE MIND OF A NARRATOR IN THE CYCLE OF V. OTROSENKO "A PERSON OUTSIDE OF AUTHENTICITY"

Medvedev I.A.

Tomsk State University, master student

В цикле В. Отрошенко «Персона вне достоверности» (2005) рассматриваются две повести («Почему великий тамбурмажор ненавидел путешествия» и «По следам дворцового литавриста»), в которых на первый план выступает не текстовая, а фантазийная основа субъективной картины мира, рождаемой в сознании персонажа-нарратора. Структура наррации выражает мистификации автора и нарратора, скрывающегося за другими персонажами и текстами с целью придать достоверность и авторитетность собственным представлениям о мире. Фабула «расследования» позволяет включить разные версии реальности и разные предположения об «авторе» картины мира, закрепленной в тексте («лекции», «докладе», интервью, исследованиях биографов и пр.). Высказывается предположение о детерминированности фантазийного сознания персонажей Отрошенко влиянием южнорусской (казаческой) культуры, а также об опоре автора повестей на гоголевскую традицию.

Ключевые слова: Вл. Отрошенко, нарратор, постмодернизм, образ реальности, хронотоп, цикл, мистификация.

In the cycle of V. Otroshchenko, "The Person outside Reliability" (2005) considers two novels ("Why the great platform hated travel" and "In the footsteps of the palace timpani"), in which the text, but the fantasy basis of the subjective picture of the world born in the mind of the character-narrator. The structure of narration expresses the mystification of the author and the narrator himself, hiding behind other characters and texts in order to impart authenticity and authority to his own ideas about the world. The "investigation" plot allows you to include different versions of reality and different assumptions about the "author" of the picture of the world enshrined in the text ("lectures", "report", interviews, research by biographers, etc.).

Key words: Otroshchenko, narrator, postmodernism, reality image, chronotope, cycle, hoax.

*Научный руководитель:
Рыбальченко Татьяна Леонидовна,
канд. филол. наук, доцент.*

Цикл Вл. Отрошенко «Персона вне достоверности» (2005) состоит из 5 частей и связан единством изображаемого пространства: Новочеркасск, столица Войска Донского. Название цикла «Персона вне достоверности» акцентирует внимание на неавторитетности нарратора, а также ставит проблему достоверности картины мира, которую создает нарратор.

Прозу Отрошенко исследователи (Т. Рыбальченко, Т. Ковалева) [1] определяют как постмодернистскую и игровую. В повестях цикла «Почему Великий тамбурмажор ненавидел путешествия» и «По следам дворцового литавриста» философская проблематика скрыта за фабульной коллизией выяснения правдивости событий, судеб персонажей.

Авторская игра связана не только со стилизацией особой среды и исторического времени (просвещенное казачество начала XX века), но и с детективным сюжетом, отвлекающим внимание читателя на ложные или частные подробности с фальсификацией событий. Повествование затемняет главное — изложение гипотезы мироустройства, доверенное недостоверному персонажу. Так автор прячет собственные гипотезы в игре персонажами, нарраторами, текстами.

Центральных персонажей повестей (тамбурмажора и литавриста) объединяет несколько характеристик: 1) оба военные музыканты, роль их инструментов в оркестре заключается в создании ритма. Ритмичность может быть истолкована как условное, иг-

ровое, карнавальное собрание распадающегося, непознаваемого мира;

- 2) Сальвадор и Ставровский показаны как увлеченные мастера своего дела: «...эта яростная и чело-векोलюбивая горилла в позументах» [2, с. 11]; «А слышали б вы, господин Председатель, с каким волнительно-нежным коварством нашептывают мои литавры в злобно-веселом Егерском марше» [2, с. 46]. Оба претендуют на роль лучших музыкантов и достигают тех высот искусства, за которыми «простирается область чистейшего идиотизма» [2, с. 12];
- 3) оба героя сходят с ума.

В повестях не указывается причина, начало и конец безумия, таким образом, не история безумства интересует автора, а культурная метафора: безумец как носитель особого мировосприятия и миропонимания.

А.Ф. Лосев связывает безумие с оргийным состоянием: «безумие, являясь плодоносной почвой для всякой образности, порождает из себя аполлонийское оформление, делая каждого носителя такого оформления трагическим героем. Герой, ставший дионисийским безумцем — очарован; сливаясь с окружающим, он превращается в него, он уже поэтому оказывается лицедеем» [3]. По мнению Г.Г. Хубулава, «тема безумия <...> переключается с темами духовидчества, юродства и мессианства» [4].

То, что центральные персонажи — безумцы, выводит их из сферы принятых социальных норм и делает

менее авторитетной их картину мира, однако дает возможность обратить внимание на прорыв к знанию, не доступному «здравому» разуму.

В повестях вариативны фигуры нарраторов, это связано с тем, что сюжет предполагает пуант в конце текста – сами персонажи (Сальвадор и Ставровский) стирают границу между собой и нарратором и высказывают свою версию событий (в том числе и события рассказывания), таким образом, всегда существует два подхода к излагаемым событиям. Кроме того, вводятся разные версии жизни персонажей, хотя и с опорой на документальные свидетельства, на опубликованные в газетах интервью, на исследования ученых, однако они не проясняют, а затемняют правду.

В повести «По следам дворцового литавриста» версии распределены между двумя инстанциями: первая – опубликованный в Санкт-Петербурге доклад исследователя Кирсанова, который, считая, что существует лишь одно сновидение, сопровождающее нас на протяжении всей жизни, описывает свое путешествие в некий город, где он является дворцовым литавристом Игнатом Ставровским.

Вторая версия содержится в разоблачительном дневнике историка Холодецкого и состоит в том, что автор – безумец, а его следы в реальном мире можно отыскать в Новочеркасске, который и описан в тексте доклада.

В первой повести автор соотносит версии таким образом: нарратор приводит версию Сальвадора на собственную судьбу и судьбу своего отца и оценку версии нарратора, излагаемую в «лекции», однако не ясно, откуда сумасшедшему литавристу известны факты, текст интервью, ситуация «лекции» нарратора в мнимом Бутане. Образ нарратора непосредственно влияет на образ мира в повестях, поэтому процессу закрепления фантазийного мироздания в тексте уделено много внимания. Чтобы образ мира, рожденный в сознании, закрепился, он должен быть подтвержден текстом. А текст становится анонимным, его можно принять как подтверждение и реальности, и вымысла. Поэтому Отрошенко в образе нарратора смешивает границу между сумасшедшим, музыкантом и ученым.

Оба нарратора – ученые: историк тамбурмажорского искусства и краевед. Это объясняет нарочитую «ссылочность» их речи. Нарраторы никогда не описывают события напрямую, а опосредуют слово чужи-

ми текстами. Формальная «доказательность» суждений приводит к противоречиям и снижает доверие к текстам.

Ситуация чтения лекции или пространство, в котором происходит событие рассказывания, также влияет на модальность изображаемой реальности. В первой повести нарратор воображает себя в Бутане, что создает ассоциации с буддистской картиной мира, с идеей жизни как цикла перерождений. Пространство обособлено (стихией), медитативно (по заверениям нарратора) и имеет черты эфемерности.

Событие рассказывания во второй повести разворачивается в Новочеркасске, обозначенном как тоπος воспоминания (автора и нарратора): «В моем городе почтеннейших антикваров, не менее древних библиотекарей, чьи облысевшие головы полны всевозможных сведений...» [2, с. 38]. В таком текстовом и онейрическом пространстве высказывается версия бытия как воображенной или сновидческой реальности, где время обратимо и неконечно, где пространство может быть организовано сознанием, подчиняться ритмам воображения.

Подобные философские концепции, встроенные в систему повествования, близки постмодернистским, так как они закрепляются в текстах с целью преодолеть недоступность познания реальности, ее изменчивость, необратимость, негармоничность. Вместе с недоверием к реальности в прозе Отрошенко обнаруживается и недоверие к текстам, в которых сознание пытается найти спасение от непонимания реальности.

Литература

1. Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века : коллективная монография по материалам 2-й Интернет-конференции «Русскоязычная литература в контексте славянской культуры: проблемы национальной идентичности» (30 октября – 10 ноября 2009 г.) / науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 212–229.
2. Отрошенко В. Персона вне достоверности. – М. : Азбука-Аттикус, 2010.
3. Лосев А.Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. – С. 62.
4. Хубулова Г.Г. Тема безумия в русской литературе [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2014. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-bezumiya-v-russkoy-literature> (дата обращения: 17.04.2019).